

Мори Альфред

Сон и сновидения

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А59

А59 **Альфред М.**
Сон и сновидения / Мори Альфред – М.: Книга по Требованию, 2023. – 424 с.

ISBN 978-5-519-97442-4

ISBN 978-5-519-97442-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА КЪ ПЕРВОМУ ИЗДАНІЮ.

Книга эта есть изложеніе изслѣдованія сновидѣній и явленій, имѣющихъ съ ними связь, — изслѣдованія, уже давно предпринятаго мною. Съ этой книгой я уже познакомилъ отчасти читателей своими статьями въ «*Annales médico-psychologiques du système nerveux*».

Но со времени напечатанія этихъ статей, я старался дополнить и расширить свои наблюденія, сравнивая ихъ съ фактами, сообщенными мнѣ моими пріятелями, или доставленными мнѣ лицами, достойными довѣрія. Мнѣ кажется, что я такимъ образомъ попалъ на путь, который можетъ привести къ настоящей теоріи сновидѣній, — хотя я и вислоько не претендую на уничтоженіе въ этомъ вопросѣ всего темнаго. Быть можетъ, другіе психологи, держась столь же строгой и столь же послѣдовательной методы, какъ я, будутъ счастливѣе меня. Но чтобы преслѣдовать съ успѣхомъ изученіе этого любопытнаго явленія, необходимо нужно принудить себя дѣлать ежедневные опыты. Весьма часто въ наукѣ о проявленіяхъ души и объ операціяхъ мысли, замѣняютъ терпѣливое и методическое наблюденіе, — единственный путь, который можетъ привести къ истинѣ, —

понятіями, составленными на предвзятыхъ идеяхъ, или чисто умозрительными теоріями. Отсюда и медленный прогрессъ психологіи. Я старался избѣжать этого подводнаго камня и, вслѣдствіе этого, принялъ только тѣ основанія, которыя вытекаютъ изъ наблюденія. Не принадлежа ни къ какой исключительной философской школѣ, я внесъ въ это изученіе полную безпристрастность изслѣдованія. Я просто наблюдалъ, съ самою большою строгостью, факты и имъ предоставилъ право говорить. Изучая сновидѣнія и сонъ, ихъ вызывающій, я старался только отыскать законъ, по которому они происходятъ, — отыскать обстоятельства, которыя находятся съ ними въ связи. Результаты этого изученія бросаютъ, какъ мнѣ кажется, нѣкоторый свѣтъ на наше психологическое сложеніе и на образованіе идей. Въ своихъ изслѣдованіяхъ я не отдѣлялъ чловѣка физическаго отъ чловѣка духовнаго, потому что при нашемъ настоящемъ земномъ существованіи обѣ эти стороны личности тѣсно между собою связаны. Нельзя ознакомиться съ отправленіями способности разумѣнія и съ фазами мыслящей жизни, не изучивъ предварительно дѣятельности организма, — ибо въ каждый моментъ душа дѣйствуетъ на тѣло, а тѣло — на душу. Чловѣкъ даже и тогда, когда онъ всего болѣе предполагаетъ, что освободился отъ вліянія своихъ органовъ, все-таки находится подъ ихъ властью. Психологія до тѣхъ поръ останется неполной, пока не обратитъ вниманія на всѣ фізіологическія явленія. Ни чтó лучше не доказываетъ этого, какъ тѣ изслѣдованія сновидѣній и тѣ наблюденія, подробности которыхъ я представляю въ этомъ сочиненіи. Не желая выходить изъ области фактовъ, доставляемыхъ опытамъ, я предоставляю читателю дѣлать метафизическіе выводы изъ тѣхъ явленій, на

которыя я указываю,—самъ же я не выйду изъ предѣловъ естественнаго и законнаго наведенія.

Слѣдственно, мой методъ ограничивается наблюденіемъ. Этому методу мы обязаны успѣхами естественныхъ наукъ; этотъ же методъ, въ рукахъ шотландской школы, вывелъ философію на путь здраваго смысла; онъ же, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи, будетъ содѣйствовать успѣху нравственныхъ и психологическихъ наукъ. Не нужно забывать, что опытъ (экспериментъ) тогда только можетъ быть вѣрнымъ руководителемъ, когда онъ производится съ тѣмъ постоянствомъ, съ тѣми предосторожностями, съ тѣмъ строгимъ наблюденіемъ за всевозможными ошибками, какъ того требуетъ критическій методъ. Наблюденіе имѣетъ значеніе и силу только тогда, когда оно контролируется строгимъ сужденіемъ, — когда воображеніе не преувеличиваетъ и не искажаетъ его результатовъ, — или когда предвзятая теорія не заслоняетъ собою настоящей причины явленій. Любовь къ чудесному, склонность къ сверхестественному, признаніе фактовъ, вовсе не подтверждаемыхъ строгимъ наблюденіемъ, загромождаютъ психологію множествомъ понятій, мнѣній и гипотезъ, чрезвычайно затрудняющихъ ея развитіе. Все относящееся ко сну и сновидѣніямъ подвергается болѣе чѣмъ другія психологическія явленія этому вторженію воображенія въ область наблюденія. И вотъ причина, почему столь обще-извѣстное явленіе, какъ сонъ, остается покрытымъ тѣмъ же мракомъ, какой вначалѣ скрываетъ отъ человѣка всѣ явленія природы.

Еслибъ мнѣ удалось разсѣять въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этотъ густой мракъ, — то я достигъ бы своей цѣли: вопервыхъ, я выяснилъ бы одинъ изъ самыхъ интересныхъ вопросовъ нашей психической жизни, —

а потомъ я прибавилъ бы еще одно доказательство въ пользу преимущества экспериментальнаго метода передъ методомъ, основаннымъ на отвлеченныхъ идеяхъ и онтологическихъ аксіомахъ.

Эта книга дѣлится въ сущности на двѣ части. Въ первой я излагаю образованіе сновидѣній, на основаніи своихъ собственныхъ изслѣдованій; во второй — прилагаю основанія, выведенныя изъ моихъ наблюденій, къ явленіямъ сходнаго рода, — болѣе страннымъ, потому что они болѣе рѣдки, и которыя мнѣ не всегда приходилось изучать самому, — т. е. къ гипнотизму, сомнамбулизму и нѣкоторымъ патологическимъ состояніямъ, въ которыхъ думали видѣть явленія, противорѣчащія естественному ходу вещей. Конечно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, — въ особенности въ прибавленіи, въ примѣчаніяхъ, — я высказываю нѣкоторые теоретическіе взгляды, которые могутъ показаться не достаточно установленными; но, излагая ихъ, я болѣе повергаю ихъ на изученіе, чѣмъ представляю, какъ доказанныя истины. Успѣхи анатоміи и фізіологіи, я надѣюсь, со временемъ дадутъ возможность провѣрить ихъ. Знаніе состава и дѣятельности головного мозга находится еще въ младенчествѣ. Сдѣланные химическіе анализы представляютъ собою лишь слишкомъ грубые опыты. Здѣсь цѣлая фізіологическая физика, которая требуетъ объясненій отъ органической химіи, нынѣ едва зародившейся. Психологія имѣетъ надобность въ ея указаніяхъ, дабы отдать себѣ отчетъ въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя ускользаютъ отъ нея; патологія душевныхъ болѣзней въ свою очередь докончить рѣшеніе этой задачи. До тѣхъ же поръ не лишено интереса предложить нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ извѣстное число наблюденій и опытовъ. Если въ этой книгѣ я не могъ всегда

представить полного доказательства своихъ идей, — то по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, я былъ полезенъ тѣмъ, что заставлялъ думать. Хорошо приводить человѣка къ изученію самаго себя. Наблюдая себя и нисходя въ наше внутреннее сознаніе, мы болѣе понимаемъ что есть удивительнаго въ нашей организаціи, — разумъ нашъ приэтомъ возносится надъ бѣдными интересами земной жизни, наша мысль облагораживается и становится яснѣе и чаще.

О Т Ъ П Е Р Е В О Д Ч И К А .

Анализируя всѣ явленія, доступныя нашему опыту и наблюденію, мы приходимъ къ заключенію, что они распадаются на два главныхъ класса: явленія физическія и психическія, т. е. явленія, доступныя внѣшнему (объективному) наблюденію, и явленія, доступныя внутреннему (субъективному) наблюденію. Всякая попытка слить эти двѣ категоріи явленій въ одну указываетъ только на явное непониманіе ихъ. Наука, строго держаась въ предѣлахъ опыта и наблюденія, можетъ изучать только отношенія между этими двумя категоріями явленій. Первая изъ этихъ категорій распадается сверхъ того, какъ извѣстно, на три, съ виду отличныхъ другъ отъ друга, класса явленій: на явленія физическія, химическія и фізіологическія. Для полноты знанія и здѣсь необходимо изученіе отношеній. Да и всюду задача полного знанія остается одною и той же: наука нигдѣ и никогда не можетъ обойтись безъ указанія на отношенія между явленіями: всюду она стремится къ этому и всюду старается формулиро-

вать свое указаніе въ опредѣленный законъ. Если же наука оставляетъ эту задачу, — она значительно утрачиваетъ свою силу, перестаетъ быть вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности и весьма суживаетъ свой горизонтъ. Вполнѣ понимать — значитъ знать отношенія. Вотъ почему, если мы возьмемъ какую-либо категорію явленій въ ея отдѣльности, изолированности отъ другихъ категорій, — мы не будемъ въ силахъ вполнѣ понять ее, ибо тутъ не будетъ необходимыхъ условій для процесса пониманія, — не будетъ сравненія, соотношеній. Полное знаніе только тогда и начинается, когда наука перестаетъ ограничиваться изслѣдованіемъ одной данной категоріи явленій, а выводитъ ихъ изъ ихъ изолированности и старается отыскать ихъ отношенія къ другимъ явленіямъ и другихъ явленій къ нимъ.

Психологія долго оставалась въ такомъ изолированномъ состояніи, потому что долго не выходила изъ предѣловъ внутренняго (субъективнаго) наблюденія и опыта. Но въ послѣднее время и въ этой области знанія началъ совершаться весьма замѣчательный переворотъ: возникло стремленіе изучить отношенія между явленіями физическими (въ обширномъ смыслѣ этого слова) и явленіями собственно психическими, — а съ тѣмъ вмѣстѣ возникло и начало психофизики. Но тутъ, — какъ и всегда въ началѣ всякаго дѣла, — воображеніе забѣжало впередъ и спутало вопросы. Явился знаменитый абсурдъ: «мысль есть движеніе вещества». Въ первое время этотъ абсурдъ увлекъ очень многихъ, — такъ что даже образовалась особая философская школа, которую нѣкоторые называютъ школой новѣйшихъ матеріалистовъ (и жалкое подражаніе которой у насъ на Руси величало себя «мы-

слящими реалистами»). Но такъ какъ абсурдъ долго существовать не можетъ, — то и смѣшеніе физическихъ явленій съ психическими сдѣлалось въ настоящее время лишь удѣломъ людей, не способныхъ къ строгому мышленію. Такимъ образомъ, съ этой стороны атмосфера стала очищаться, — и мы можемъ надѣяться дѣйствительно узнать что-нибудь объ отношеніи психическихъ явленій къ фізіологическимъ, а не пробавляться одними голыми разсужденіями на тему указаннаго абсурда.

Къ сочиненіямъ, могущимъ оказать намъ такую важную услугу, принадлежитъ и переведенная мною книга Альфреда Мори. При бѣдности нашей психологической литературы, она можетъ занять у насъ весьма видное мѣсто. Но только съ однимъ непремѣннымъ условіемъ: если читатель взглянетъ на нее безо всякаго предубѣжденія. Успѣхамъ новѣйшей психологіи вредить не одна только болтовня матеріалистовъ, — противоположный лагерь — лагерь спиритуалистовъ — приноситъ ей не меньше вреда. И здѣсь опять все дѣло въ спутываніи вопросовъ. Спиритуалисты большіе охотники ссылаться на догматы религіи; но только они забываютъ, что религія беретъ душу въ ея вѣчномъ существованіи, а наука изучаетъ душу только въ ея настоящемъ, земномъ существованіи, т. е. при тѣхъ условіяхъ, когда душа находится въ тѣсной связи съ тѣломъ. Задача новѣйшей психологіи преимущественно въ томъ и заключается, чтобы изслѣдовать отношенія, существующія между душою и тѣломъ, тѣломъ и душою, — и найти законы этихъ отношеній. Она не выходитъ изъ земныхъ предѣловъ и не можетъ выйти, потому что основывается на опытѣ и наблюденіи, — а наблюдать и подвергать опытамъ можно только то, что дѣйствуетъ

на наши чувства, слѣдственно, что тѣлесно, матеріально. Еслибъ душа не находилась въ связи съ тѣломъ, то мы—при условіяхъ нашего настоящаго, земнаго существованія — ни какимъ бы образомъ не могли изучить ее опытнымъ путемъ, — потому что дѣлать опыты и наблюденія надъ душою можно только чрезъ посредство тѣла. Въ природѣ, доступной нашему наблюденію, нѣтъ отдѣльности, изолированности, — въ ней все находится въ тѣсной связи другъ съ другомъ,— а потому и психическія явленія находятся въ тѣсной связи съ фізіологическими. Оскорбляться этимъ и считать это посягательствомъ на духовность души также нелѣпо, какъ и утверждать, что мысль есть движеніе вещества.... Все это, кажется, вещи нехитрыя, а между тѣмъ весьма многіе не понимаютъ ихъ, а потому и смотрятъ съ предубѣжденіемъ на современные изслѣдованія въ сферѣ опытной психологіи.

Теперь нѣсколько строкъ о самомъ переводѣ. Ппшущій (или переводящій) по психологіи поставленъ въ настоящее время въ весьма затруднительное положеніе: суть дѣла онъ заимствуетъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій, а форму, терминологію — изъ прежней психологіи. Отсюда — подѣ-часъ нѣкоторая неясность. Такъ какъ у насъ въ настоящее время нѣтъ еще прочно установившейся и на новыхъ началахъ основанной психологической терминологіи, — то я въ переводѣ строго держался подлинника. Отъ этого мѣстами выходило не совсѣмъ порусски, — ну да извинитъ читатели! Такъ, слово *intelligence* у меня переведено: способность разумѣнія, разумѣніе; *idée* — идея; *raison*—разумъ; *esprit* — духъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти слова слѣдовало бы замѣнить другими. Но я оставилъ ихъ безъ измѣненія, — такъ какъ не въ нихъ сущность дѣла. *Affec-*

тег я перевелъ аффектировать. Знаю очень хорошо, что это неологизмъ, и притомъ не совсѣмъ удачный, нуда что же дѣлать! Аффектировать у меня значить — привести въ извѣстное состояніе, сообщить извѣстное движеніе, произвести извѣстное видоизмѣненіе.

Послѣ этихъ оговорокъ, надѣюсь, переводъ мой будетъ понятенъ для каждаго.

8 октября
1866.
